
Н. Б. ЯНКОВСКАЯ

ОЙКУМЕНА АМАРНСКОЙ ЭПОХИ И КРИТ^{*}

Во II тыс. до н. э. Криту досталась роль «солнечного сплетения» ойкумены. Удар по Криту был катастрофой, чем бы она ни была вызвана: известным землетрясением в связи с извержением вулкана на острове Фера (совр. Санторин), ближайшем к Криту, и чумой, занесенной из Сирии (отсюда бог чумы этрусков, Аполлон), или распадом традиционных форм общественного устройства в результате критического накопления дискомфорта внутри всей дворцовой системы. Пресекалось свободное дыхание спонтанного развития. Популярнейшее по сей день искусство эпохи Амарны, изумительные памятники которого известны всем по раскопкам в Египте (Телль-эль-Амарна, Фивы), было отключено на дворцовые росписи Крита, а не наоборот, как принято считать. Вариации дворцовой модели в Передней Азии и на территории Эгеиды как явление эпохальное лежат на поверхности. В книге Ю. В. Андреева эта модель принята в качестве ключевой. С нашей точки зрения, отчет трансформации общественного устройства с его колебаниями из одной крайности в другую идет от степени остойчивости или, напротив, признаков деградации глубинной структуры, свойственной не только древности (Янковская 1959). Дворец, как заметил М. Финли, вторичен – он лишь поглощает продукцию художественных промыслов ойкоса (домашней общины).

Типологически близкие между собой дворцы этого времени, с легкой руки П. Кошакера (Koschaker 1928) условно называемого в науке амарнским, на Ближнем Востоке оставили по себе многотысячные клинописные архивы. Полтора десятка томов *Archives Royales de Mari* полностью переведены и систематически обрабатываются в обширной литературе (Грибов 2002), но все еще остаются достоянием узкого круга знатоков. Дворец в доимперский период был *общественным* институтом. Теряя это свое функциональное назначение в империи, он трансформировался в резиденцию при Ашшурбанапале (668–635), когда дворец утратил контроль над деловой жизнью страны (Янковская 1986). Вслед за

---

^{*} Окончание. Начало см.: Янковская, Н. Б. 2010. Ойкумена амарнской эпохи и Крит. *История и современность* 1: 35–60.

трансформацией общественного института в закрытую резиденцию Ассирия потеряла статус великой державы, уступив свою роль «Вратам Богов», Вавилону, торгово-ремесленному полиэтническому мегаполису. Когда дворец еще обеспечивал представительство страны, это были гостевые комплексы, обязанные не только принимать посольства в данном пункте, но и передавать свою драгоценную утварь туда, где предполагались очередная дипломатическая встреча или культовый сезонный праздник.

Наиболее обстоятельно исследована как археологически, так и документально дворцовая модель Нузы (совр. Иорган-тепе в 19 км от Керкука) (Starr 1937; 1939). Дворец Нузы имел две половины: внутреннюю и внешнюю. Первая – для ночлега (*ša bītāni*), с цветным фризом на стенах, изображающим чередование символов Жизни и Смерти: маски телки на девичьем лице с парой локонов юности (2-летняя телка // 15-летняя невеста) и букрании (череп быков). Здесь, судя по архиву этой части дворца, обитала свита Главной Дамы (*MI'LUGAL*) с кормилицами и служанками. Вторая, хозяйственная, половина (*ša babāni*) предназначалась, судя по ее архиву, для внешних связей ради обеспечения войска. Здесь хозяйкой была Супруга Бога (*NIN.DINGIR – entu*), дочь военачальника. Городской храм Иштар Нузоххэ, Девы-Воительницы, с ее жрицей, Супругой Бога, был расположен напротив дворца, через улицу от него. Это раскрывает **две разные функции представительства главных фигур дворцовой эпохи**: одна из них – резидентка, хранительница очага, Мать (на Крите – Матрона); другая – Дева-Воительница. В Микенах функция резидентки ушла в тень, уступив лидерство воинственной Деве, Афине: она – «изделие» оружейника Гефеста, Мастера (// Дедал Крита). Контаминация фигур Матроны и Девы дала жизнь воплощению Гнева (значение имени Геры) – свирепой сестре и супруге Зевса, с ее дефицитом материнского начала. Гера была гонительницей подружек Зевса, матерей Героев, и критского Мастера, Дедала. Прямым свидетельством изначально общественного назначения храма и дворца является *отчетная документация*.

На Древнем Востоке учет угасал и возрождался сообразно упадку и подъему *подконтрольности* расходов. Вспомним, как Перикл составлял отчеты для граждан Афин, и реплику по этому поводу юного Алкивиада, не принятого Периклом: «Лучше бы подумал о том, как ни перед кем не отчитываться».

В хурритской Аррапхе, занимавшей лишь бассейн Адейма, самого короткого притока Тигра, дворцов, известных по архивам клинописи середины II тыс. до н. э., было не менее двух десятков. Царь из культового центра (Город Богов – совр. Керкук) со своей свитой, собирая гостей округи, объезжал все дворцы, сообразуясь с праздниками культового календаря страны, которые они обеспечивали *поочередно* (ср. Дев Эрехтейона на акрополе Афин – они представляют разные регионы федерации).

В эту эпоху по всей Передней Азии появляются семейные архивы должностных лиц городского самоуправления, которые кооптировались из круга авторитетных граждан. Не обязательно из родовой знати (представительство требует средств) и не из нахлебников дворца, «совершающих проскенис» (*muškênutu*) (Дьяконов 1956). Особенно значительные архивы найдены в домах нуворишей, скупавших общинные наделы тысячами. *Неотчуждаемость родовых земель*, присущая архаике, была причиной изобретения хитроумной формы юридического акта псевдоусыновления кредитора. Крупнейший из этих архивов найден в крепости (*halšu*) пригорода Нузы – это архив пяти поколений потомков Виннирке (Maidman 1976). Сын этой дамы благодаря покупке земель получил доступ к должности начальника военного округа. Каждый округ выставлял 1000 воинов, в том числе округ чесальщиков козьего пуха – ткацкого промысла горцев, заведомо домашнего.

На Крите альтернативным убежищем ткачей были не укрепления, а пещеры острова. Цикл, посвященный пещерной Пряхе Ариадне, наглядно иллюстрирует эту особенность. Фигурка Ариадны из Беотии украшена всеми атрибутами ее профессии: на груди гребень (трепало для расчесывания шерсти), серия восьмиконечных «свастик» (фигура мотовила для сматывания пряжи в клубок) и сетчатый передник – основа ткани. Не упущен и знак ее божественной власти – лабрис. Она спасла «культурного» Героя, снабдив его путеводным клубком, а он ее властью Афины уступил богу вина. Контраст с Ближним Востоком нагляден, если вспомнить свадебную Песнь Песней, где те же образы, но там Жених – это «царь, полоненный в подземельях» (VII, 6) (Песнь... 1973); на Крите Тесей прикончил и выволакивает из пещеры царственного Минотавра. Тесей, в отличие от царя Миноса, не был популярен ни на Крите, ни в Афинах (станция метро «Тесейон» названа в честь храма Гефеста). Внедрение новых людей во властные структуры страны шло через внешние связи дворца, но чаще через воинскую и охранную службы храма. Так удавалось

перехватить бразды правления (Козырева 1997). Царская власть, принадлежа лидирующим большим семьям, была не более деспотична, чем власть Одиссея на острове Итака.

Тонко и точно подмеченная Ю. В. Андреевым характеристика крито-микенской дворцовой структуры как изначально обремененной *тираническим синдромом* позволяет проследить за укоренением властных структур. Тиранический синдром реализуется с момента стабилизации царской власти, как правило, за счет иноземной поддержки. Этот шаг, рассматриваемый как акт Священного Брака, дает владыке встать над своими соплеменниками (Афины не позволили Миносу сделать это). В хурритской Аррапхе династия установилась в момент критического противостояния Ассирии и касситской Вавилонии, которые в дальнейшем поделили ее территорию между собой. Поддержка индоиранской династии Митанни, которая возглавила хурритский военный союз, на время отсрочила этот раздел. Договор был подкреплен династийным браком царевича Аррапхи и царевны Митанни. Дети такого брака (как любого смешанного) становятся *заложниками* при нарушении договора (см. кн. Эздры, гл. 9, 10). Гегемон воспитывал лояльность царевен и царевичей, союзников в своем доме. Конфронтация династийной царской власти и общинного самоуправления, имманентно присущего развитому родовому строю, ограничивает максимальный срок правления одной державной династии примерно тремя, реже – четырьмя веками, это срок подъема и спада. На большее не способна самая изощренная дипломатия, опирающаяся на конфессиональные связи. Восхождение к центростремительной фазе повышает роль храма, когда этот институт позволяет кровопролитие (роль двуликого Януса медного асса).

Если мы отвлечемся от весьма условной и до сих пор не утвердившейся хронологии древней истории Крита и обратимся к периоду точно известных дат, то найдем те же сроки в череде гегемонов: Рим (67 г. до н. э. – 330 г. н. э.), Византия (330–824), арабы (824–961), снова Византия (961–1204); позже Крит был продан крестоносцами Венеции (1204–1669), захвачен турками (1669–1898) и после ряда кровопролитных восстаний получил автономию (1898), перейдя затем в состав государства Греции в 1913 г. Это позволило острову вывести вовне обременительные для бюджета службы международного представительства и стать на все летнее полугодие вселенским идеалом гостеприимства. Нетрудно заметить особое постоянство появления Византии, которая смогла реализовать традиции Рима как морской державы, простиравшей

длань над главными партнерами островитян: Египтом и селевкидской Сирией (Бикерман 1985). Византии удалось придержать не только Крит, но и Сицилию в VI–XI вв. (Степанова 2002). Синхронность первой половины этого периода в жизни Сицилии с появлением замечательных коптских часовен Бауита (Каковкин 2000; 2002), убежища консолидированной общины ранних христиан, – это **результат** «наведение мостов» между Евразией и Африкой – *функция религии, исходно коренящейся в неформальных структурах.*

Уклоняясь от контроля, Дедал Крита – Мастер, проводник отлетающих душ (Андреев 2002: 470), спасался от гневного властолюбия богини Геры сначала на Восток, в Малую Азию, а затем на Запад, на остров Сицилию. С острова Сицилия до Африки вдвое ближе, чем с Крита. Не последнюю роль в расстановке сил играло наличие на Крите ладана, весьма ценного для богослужения. Свободный доступ к источнику ладана (асс. *ladunu*) в Южной Аравии был перекрыт. Тонны ладана обнаружены в храме Сина. Культ Сина (молодого Полумесяца) при Набониде (556–539) стал универсальным для Ближнего Востока – это был пролог великих конфессий Мира. На главной площади вольного города Венеции в пору ее расцвета как великой морской державы на колонне высился крылатый дракон – образ, навеянный амбициями власти над Миром, простирающейся до Китая. Филипп Лонгворт (Longworth 1974) отметил как поразительный контраст соединение глубоко архаичных черт (обручение Дожа с Морем, особая организация управления городом) и высокоразвитого, уникального для того времени банковского дела. Точно такой контраст уже в XIX в. до н. э. дает документация международной торговли, освещенной клинописными архивами Каниша. Международное торговое представительство постоянно избирает самую строгую и *максимально надежную модель общественного устройства, свойственную повсеместно архаике.* Она воспроизводится как архаистика с наибольшим успехом на островах. В Японии это пример организации торгового центра Осака – города, сохранившего свой особый архаический диалект (центр самой ранней династии Ямомото) и особую систему отношений в деловой сфере. Возрождение страны как экономического чуда общеизвестно. Великая хартия вольностей Англии 1215 г. предполагает гарантии именно свободы и независимости: «Права и правосудие никому мы не отдадим, не продадим». Архаичность общественного устройства Крита, отраженная в законах Гортины (Казаманова 1979: 76–90), была упрочена преднамеренно, как гарантия независимости островитян. Язык и графика этих законов старше времени записи лет на 500. Так, в гравировке текста законов Хаммурапи (1792–1750) писец

воспроизвел почерк протоаморейской Эблы (Тель-Мардих, Сирия), сходный с каллиграфией Лагаша XXIV в. до н. э.

Важнейшим в характеристике жизни Крита всегда оставалось сопротивление властным амбициям великих держав на своей территории. Военная мощь каждого следующего гегемона избавляла островитян от предыдущего, но ни один из них не был принят без нарастающего сопротивления. Механизм ослабления управляемости страной стереотипен: неуклонно наращивается субординация властей, в результате усиливается напряжение в противостоянии между военно-административным уровнем власти и двойным представительством тех, на ком эта власть практически держится, то есть торгово-ремесленными кругами, с одной стороны, и земледельческо-скотоводческими – с другой. Злоупотребление властью в любой из этих подсистем правопорядка, иначе говоря, произвол, сеет смуту. Обстоятельно документированный образец дворцовых структур на Востоке открывает возможные варианты угасания крито-микенской цивилизации, но не пресечения. Борьба за самостояние – залог достоинства на всю дорогу истории народов Мира. «Цена свободы и гармонии» островитян была высокой как для европейских регионов, так и для Северной Африки, многократно менявшей свою политическую ориентацию в пользу очередного лидера, деградируя вплоть до самоистребительной торговли своей молодежью как рабами для заморских плантаций.

Симптомом *идеологического закрепления* дистанции между высшим уровнем власти и теми, на ком она держится, является возникновение письменности. Там, где отрыв элиты от народа еще не состоялся, документы правозащиты не нужны. Такая документация регистрирует сборы на поддержание культа богов – покровителей страны. Одновременно идет распределение сфер влияния между гарантийными службами храма (оборона страны) и дворца (внешние связи). Такова протошумерская и собственно шумерская иероглифика Месопотамии рубежа IV и III тыс. до н. э. (Вайман 1966: 3–15). Такова же иероглифика и производные от нее формы линейного письма не только на Крите, но и в Микенах. Архив учета является знаком *консолидации* большесемейных общин, нуклеарной подсистемы городов-государств. Выстраивается субординация кланов, но лидерство их идет с переменным успехом до тех пор, пока сохраняется их очередность в обеспечении культовых центров (шумер. BALA // аккад. pale – по жребию). Голосование жеребьевкой Эгеида сохраняла дольше всех регионов мира. *Остракизм неугодных народу вождей* – особенность политической жизни островитян – купировал великодержавные амбиции. Кризис такой системы ознаменован

появлением юридических актов, которые фиксируют *перераспределение* общинных земель в кругу состоятельной элиты. В Месопотамии приход к власти скотоводов (энергетика эпохи) династии аккадцев Саргона Древнего (XXIV в. до н. э.) сопровождался отторжением (за деньги!) у главных городов Шумера гигантского массива земель (obelisk Маништушу, внука Саргона Древнего) (Чипирова 1988: 3–34). Это акт подкупа царской властью авторитетов городского самоуправления – громоздкая базальтовая скульптура, от нее уцелела лишь юбка с текстом (Лувр), верхняя часть фигуры разбита еще в древности.

Боеспособность войска напрямую связывалась с системой землевладения. Существует шумеро-аккадская поговорка о беззащитности города, в котором чиновник кадастра стал торговцем. На Крите, как задолго до того в городах Ближнего Востока, недвижимость пошла в оборот начиная с городских домов. Коррекция правопорядка в законах Гортины (10 км от Феста) обнаруживает суть перемен в землевладении: *круг наследников строго ограничен рамками большесемейной общины, с характерным для нее запретом на отчуждение недвижимости, снятым только для городских домов. Позже было разрешено продавать и сады*. На Крите сады – это обширные плантации олив, главного продукта экспорта сельского хозяйства острова и в наше время.

Рожденная на Крите письменность была воспринята в Микенах, когда «Великая богиня обрела, наконец, свою постоянную резиденцию» (Андреев 2002: 623). До этого она странствовала, объ-единяя главные святилища с периферийными, подобно Инанне/Иштар в тексте Схождения ее в Преисподнюю (Афанасьева 1997). Дело в том, что через культ предков, повсеместно погребальный, координируются с культовым центром домашние святилища больших семей, с их очагами и алтарями. Власть богини над живыми и мертвыми наглядно показана в изображении ее с поднятыми руками, в каждой руке она держит по лабрису, двойной секире (литейная форма из Палекастро, восточная оконечность Крита). Ни для расшифровки собственно критской письменности А, ни для фестского диска, иероглифы которого близки хеттским знакам на печатях, афразийские языки не привлекались системно. Работы А. Г. Беловой (см.: Белова 2002: 29–36) представляются весьма перспективными для этой цели при условии использования материалов аморейской Эблы и аморейско-хурритского Угарита. Аморейский и хурритский равно даны в двуязычном словаре

Угарита, аккадо-шумерские параллели этого словаря относятся к основе классической клинописи. Новая клинопись, изобретенная в Угарите, была квазиалфавитной, то есть слоговой, как и расшифрованное письмо Крита, принятое в Микенах. Особенности угаритского письма по своей системе фиксации гласных фонем аморейского, западно-семитского, языка представляют ступень, непосредственно предшествующую греческому алфавиту. Свойственное крито-микенскому письму игнорирование различий между звонкими, глухими и придыхательными – особенность *хурритских* текстов в передаче шумеро-аккадской клинописью. Форма критских табличек, плоских и прямоугольных, соответствует не глине (объемные < ком), а древесным или костяным табличкам – великолепному горючему материалу. Исключительно мощный слой копоти в помещении 46 северо-восточной части дворца Айа Триады наводит на мысль о сгоревших здесь первичных записях. Предполагается, что в этом помещении хранилось масло, но там нет ничего, даже черепков. Квадратная колонна в центре свидетельствует об особом назначении этой мощеной алебастром комнаты. Айа Триада дала множество глиняных таблиц письма Б и А, упавших из верхнего жилья, где обычно хранились архивы. Сотни печатей – особенность всего комплекса. Уникальной чертой Айа Триады, пережившей Фест и остававшейся значительным пунктом в эллинистический период и позже, являются сторожевые башни, микенская агора, подобие афинской галереи – *стои*. Найдено более полутонны меди в слитках – это не гири, так как в то время равно мелкие и крупные гири были каменными (Янковская, Янковский 1995: 127–133). В ряду знаков критского письма числится главная доминанта его властной символики: двойная секира – лабрис. Другая, щит «восьмерка», представленная в декоре дворца в Кноссе, присутствует в письме Кипра. В связи с этим разнобоем в адресах доминант, связывающих письмо Крита с письмом Кипра, стоит привести малоизвестные, но важные подробности относительно значения Кипра с точки зрения ближневосточных интересов. Этот остров виден из Угарита и служил местом ссылки для преступников: два царевича подделали династийную печать, были разоблачены и сосланы на Кипр, как сказано в решении суда: «вместе со своими кроватями». Кипр – ближайшая *вольная* периферия Угарита.

На маленьком каменном кубке, найденном в 3 км от Феста, в дворцовом комплексе Айа Триады, изображены две юные фигуры, стоящие друг против друга. Обе вооружены: одна, пониже ростом, бумерангом; другая, повыше, – стрелалом. На обратной стороне

кубка, обычно не приводящейся, но показанной, к счастью, в книге

Ю. В. Андреева (2002: 222 сл.), изображены три щитоносца. Они сомкнули свои громадные щиты из шкур слонов и идут от первой фигуры ко второй – к юноше с посохом. Так изображено вступление мальчика в братство куретов под защиту воинства. В известнейшем сюжете «тореадора» показано, как белая девушка держит быка за рога, другая такая же подпрыгнула к хвосту быка, чтобы подхватить темнокожего юношу, делающего курбет на спине яростно мчащегося животного. Толкование сцены как реальных игр

с быком на площадке внутри дворца так же нелепо, как если бы нам вздумалось признать появление во дворце пары настоящих дельфинов (весеннее созвездие Рыб), раз они изображены на стенной росписи задних комнат Кносского дворца. Бег быков (*corrida de toros*) допускает лишь уменьье удрать, увернуться от разъяренного животного. Для надежности царь Ашшурнацирапал в композиции охоты на тура стоит в колеснице, мчащейся рядом со зверем (Кальху). Если царю удастся метнуть дротик в глаз тура, успехвозможен, хотя и не гарантирован. Две подружки акробата в сцене «тавромахии» – это проекция Богини-Девы, изображенной на печати из Кносса во всеоружии, с мечом, луком и бумерангом (Андреев 2002: рис. 76).

Дева-охотница повсеместно представляет образ богини доблестной Смерти, которую Герой всегда предпочтет благополучному прозябанию во дворце. Ахилл, спрятанный матерью среди дочерей царя Ликомеда на острове Скирос, был очень просто разоблачен Одиссеем. Он, как купец, разложил на выбор украшения и *золотые* доспехи работы Гефеста. Герой соблазнился доспехами и последовал навстречу смерти. Этот сюжет помещен на золотом горите, выставленном в Особой кладовой Эрмитажа; в курганах скифов он тиражировался многократно. Насыпь курганов возводилась всенародно, чтобы провредить Героя в мир иной и там упокоить. Цель поминальных тризн – очистить, погасить зло бунтарской героики (Tsukimoto Akio 1980).

Бесспорно архаическая черта женского божества Крита – культ змеи. Он повсеместно укоренен в погребальной символике домашних общин – эхо экологии острова, пещер с выходами питьевой воды в глубине, как и в домах – там пьют змеи, пожиратели мышей. Этот сюжет акцентирован в сугубо местной фреске византийского периода: царственная женская фигура,

персонификация Земли в сцене Страшного суда, поит из кубка Змею (Borboudakis 1992: ил. 57). Мотив дошел до наших дней как символ медицины (Змея над Чашей). Змеи, как известно, плодовицы (от 20 до 40 яиц в одной кладке). В афразийской культовой лексике термин «бетил», каменное яйцо, – это *bêt il*, «дом бога» (пасхальное яйцо наших дней); напоминание о яйце, которое в начале начал снес Великий Гоготун (Египет). Змеиная рама в композиции с изображением *юного бога*, который держит двух уток, – отличительный мотив культовых сюжетов Крита. Как правило, змеиная рама на Крите имеет две пары змеиных голов (40 лет – предел активности морехода). Для обозначения высокого ранга богини возможны и три пары змеиных голов, что соответствует трем парам бычьих рогов на тирах главных божеств Месопотамии. Это символ способности к многократному возрождению – аналог Урея на лбу фараона. На золотом ведре из Хасанлу голову Героя также охватывает Змея, но типа критских, не кобра. Змеиная рама Крита для «отрока», Куроса, акцентирует фигуру открывающего круг действующих поколений и представляет контраст к изображению трех пар локонов на головах духов – предков (аккад. *eṣemṁē*) в Месопотамии, акцентирующих образ старца, замыкающего круг. Полный круг активной жизни Предка, 60 лет, завершается «возвращением к Матери» (шумер. *ama-gi*) Земле. Это трехкратное возрождение в череде поколений, где каждая пара локонов соответствует 20-летнему сроку жизни, расцвету сил юности. В поминальном застолье горцев первый глоток делает *самый юный – он ближе всех к ушедшим из жизни*, так как пришел оттуда, из чрева Земли, позже всех.

В символике Крита и Киклад главная стихия **море** – материнское чрево для островитян, поэтому в символике так много бегущей, клубящейся спирали и женских юбок в широких воланах в изображениях богинь и хоровода жриц. В хурритской «Песни об Улликумме» богиня – Дева, Шавушка, пытается обольстить Гиганта пением и пляской, лишь гонит волну; вздымаясь, волны шипят: зачем стараться – он слеп, ничего не видит, он глух, ничего не слышит. Аллитерации этих строк воспроизводят шипенье и грохот волн (Güterbock 1951: 135–161; 1952: 8–42). Три волны Песни показаны на золотом ведре из Хасанлу как трехглавый Змей. Серпантинны горских дорог общеизвестны.

В круге Великих Богинь побережья Малой Азии главная фигура – это четырнадцатигрудая хеттская Кибела (// Артемида Эфеса), образ, восходящий к ориентирам на море по двум

Семизвездиям, Большой и Малой Колесницам (Медведицам). Отсюда и счет четырнадцати змеиных голов эгиды архаической Афины (Parastamos 2002: 75) – аналог змееголовых лучей-стрел из плеч Инанны-Иштар (Диана-охотница, сестра Аполлона). Такова связь между коровьими сосцами Богинь Млекопитательниц и «змеиной рамой» (пенисами юного бога Крита) в обрамлении накидки и в нагрудном щите воинственной Афины. Совмещение мужского и женского начал свойственно архаической религиозной символике (Столяр 1985). Бисексуальность присуща экстатическому состоянию – знак способности одолеть *тиранию самой Природы* (Андреев 2002: 531–565). Удивительный по откровенности прообраз египетского знака АНХ (nh), символа жизни (в афразийской лексике – «вздых»), заключен в изображении на модели ритуального барабана, «сковородки» (Андреев 2002: 46, ил. 8). Здесь этот символ раскрыт в соответствии с заложенными в нем исходно реалиями жизни островитян – это модель вселенской матки, увиденной как морская пучина с кораблем. В этих плоских круглых предметах (диаметром около 30 см) заложена идея *пробуждения к жизни*. Слепок с модели типа «Кампос» совпадает с символикой бронзовых барабанов для ритуала пробуждения Природы в Китае – это праздник Нового Года, когда юные девы поднимаются с барабанами в гору, сопровождая жертвенный девиз года, например лягушку для года трехпалой Жабы (Пчелин 2000: 70–72). *Жаба – символ Года, в Китае трехпалая по числу видимых фаз луны. Четвертая фаза (новолуние) мифологизирована хурритами в образе «Черной Богини»* (Янковская 1994: 27–34).

Аллегория пробуждения к жизни соответствует первому толчку младенца во чреве матери, за которым следует закручивание плода в пружинку, которая и вытолкнет его на свет божий. Византийская свинцовая печать от свитка из коллекции Думбартон-Окс сохранила изображение Младенца, показанного клубочком во чреве Богоматери. Самым популярным в XI в. н. э. стал образ «Знамения»: Христос-Отрок перед чревом Божьей Матери, распахнувшей свой Покров. Думается, что «сковородки» (с нашей точки зрения – модель барабана) Киклад укладывали на живот покойного, как бронзовые зеркала на грудь в могилах Минусинской котловины.

На плато Месара, над которым царствует Фест, принят иной образ той же мифологемы. Здесь сосредоточены толосы. Это круглые купольные гробницы с коридором (дромосом – он может отсутствовать, как в Осетии) и мощеной культовой площадкой перед входом. Конфигурация толосов (Андреев 2002: рис. 20)

воспроизводит модель матки с младенцем внутри нее, наподобие загадочного рисунка Маленького принца, изобразившего слона, которого проглотил удав (А. Сент-Экзюпери). В структуре толоса для скотоводов в отличие от нас загадочности не было. Они знали о совпадении матки женщины и коровы – это основа культа Небесной Телки, Хатхор Египта (// Нинсун Двуречья, мать Гильгамеша). Вот почему «Исиде нужны Рога» – она Небесная Корова, рождающая Солнце: на печати с острова Фейлах расхожее изображение головы коровы с солнечным диском между рогов, если мы перевернем цилиндр, превратится в изображение роженицы, на котором рога – это ее ноги (информация Я. В. Василькова). «Сухопутная» модель попала в круг символов египетских иероглифов: абрис предмета, лежащего на штандарте, воздетом парой рук (Bonnet 1952), повторяет фигуру толоса. Руки *отпускающих* раскрытых объятий (отпускающих душу на покой к ее исходу) тракуют как знак КА (Большаков 2001). Мысль египтян о том, что посмертно КА усиливается, соответствует убеждению в посмертном освобождении как возврате человека в *лоно* Природы – это конец как начало непрерывного круга в потоке смертей и рождений. Жест освобождающих рук в месопотамской глиптике дан богине-заступнице, стоящей позади адоранта в самый ответственный момент, в момент Предстояния Богу. На Крите это жест юных богинь в венцах. Богиня Удачи греков, Тюхе, получит такой венец в виде круга крепостной стены («я не дверь, я стена» – ответ юной сестрички невесты в Песни Песней). Фигурки богинь с непокрытыми головами, у которых волосы, как клубок змей, чадоподательницы, протягивают младенцев. Таков *узел* у фартука перед лоном Великой Богини Кносса. В Египте толос, уже как ложная гробница, но пока еще необходимый реликт погребального сооружения, воспроизведен внутри комплекса для хеб-седа (обряд реабилитации) фараона Джосера (XXVIII в. до н. э.). Обряд совершался раз в 30 лет и предполагал ритуальный бег как доказательство дееспособности фараона – испытание вождя, сохранившееся в разных формах до наших дней. Восстановительный цикл для правителя существовал в Месоамерике у майя в культовом центре Паленке – это *katun*. Цикл рассчитан на 7200 дней, то есть на 20 лет идеального календаря (музей Мехико 10–224313, Эрмитажный каталог 9). Счет по дням предполагает *самоконтроль* неформальных структур, свойственный архаике. В Иране коррекция суток истинного солнечного года по отношению к идеальному учитывалась раз в 120 лет как дополнительный вставной месяц; в Канише – каждые

60

лет

как дополнительная половина месяца (*šarattum*), потому что весь идеальный год был расписан по 15-дневкам, составляя в сумме 60 шестидневок присутствия членов совета в главной конторе (1/5 месяца – *hamuštum*). Каждый третий год был високосным: дополнительная 15-дневка складывалась из трех пятнадцатидневок истинного солнечного года. Календарь – порождение стандартизации денежных расчетов по долгосрочным процентным ссудам, так верстали бюджет казначейства. –

Ступенчатая пирамида Джосера в Египте представляет нагромождение родовых гробниц масштаба – образ послета (атрибут Небесной Матушки в лубке Китая – информация М. Л. Пчелиной), воплощение знаний охотника и скотовода о принадлежности человека к плацентарным. Семиэтажный зиккурат Урука – месопотамский символ восхождения сакральной семерки поколений во главе с Семеркой Предков (аккад. *sibittum*). Они упомянуты как Семь Мудрецов в эпилоге эпоса о Гильгамеше (Дьяконов 1961). Зиккурат Урука (совр. Варка) вполне логично посвящен Инанне/Иштар. Название города раскрывает его назначение – это место всенародных собраний, город бога Ану, Неба, которое *одно на всех*.

Пристань города – место публичных зрелищ, в том числе праздника Священного Брака гегемона и богини города. Урукская Иштар была объявлена Небесной Царицей города Кальху (*Parpola* 1997: 2 vi 8) – резиденции основателя империи Ашшурнацирапала (883–859). Урук сохранил гражданско-храмовую общину и в селевкидский период истории Месопотамии (*Саркисян* 1978: 88–92). Аналогичная зиккурату Урука ступенчатая пирамида Джосера была признанным нововведением зодчего Имхотепа, канонизированного как сын бога Птаха (имя бога табуировано, это эпитет – «отверзающий» уста и очи). В эллинистическом Египте Имхотеп был отождествлен с богом врачевания Асклепием (Матье 1961). Секреты врачевания, как воскрешение умершего, – все во власти Бога (Иез. 37).

Главная черта, отличающая зиккураты Урука и Ура (побратима Урука) от египетской пирамиды Джосера, – это лестница для восхождения к храму с золотыми рогами. С нашей точки зрения, она вела к месту клятвенного приобщения молодежи к кругу полноправных граждан. Лестница эта, *simmiltum*, известна и у хеттов, где главой лестницы, *rabi simmiltim*, был наследный принц (Янковская 1968: 38, 20 и 106 с ком.). Во дворце Кносса большой расписной рельеф, изображающий принца с перьями павлина

(южное Созвездие – центр почитания остров Шри-Ланка) в причёске (Kofou 1992: ил. 34), помещен у процессионной дороги от «рогов посвящения»

к широкой лестнице – модель комплекса, предназначенного для присяги. Практика эта известна из переписки международной ассоциации Каниша близ Кейсери в современной Турции (см.: Янковская 1968).

Отрезанный от материков обширным Средиземным морем, Крит не имел символа хищной птицы как «власти, спустившейся с Неба», характерного для Передней Азии. Лишь хурритского крылатого грифона и аморейского крылатого льва – образ песчаной бури, воплощение грозной власти Природы (// шумер. AN.SUD, львиноголовая Мать Орлов, пожравшая Акхита, южноаравийского Таммуза) (Она же 2003: 74–80). Пернатые Крита – особый набор, возможно, из выпущенных с кораблей для проверки близости суши: в открытом море он теряется из виду. Полет птиц, выпускаемых с корабля, как проверка на близость суши общеизвестен.

Дворцы Крита принято рассматривать как признак развитой государственности. Широко распространенный в эту эпоху на Ближнем Востоке термин *ekallum* значит исходно «большой дом» (шумер. é.gal). В горской этнографии Кавказа так называют жилище первопоселенца и его большой семьи. К одному такому центру во втором и третьем поколениях относят себя как минимум 200–

300 сородичей. Они помнят о своем родстве в сколь угодно отдаленной диаспоре. Элемент тиранического синдрома свойственен и этой нуклеарной структуре этноса. Именно против ее власти ратовал Иисус Христос, отрицая свое земное родство и ссылаясь на своего Отца Небесного. Апостол Павел по той же причине снизил значение этноса адептов новой веры (послание к галатам). Призыв Христа: «...живите, как птицы» – обернулся орлом вечной славы, наградой за преданность. Римские надгробия воинов с орлом в маленьком веночке стоит сравнить с гигантским орлом надгробий христиан VI–VII вв. Культурная символика коптов сохранила контаминацию героических сюжетов Крита с их резидентными афразийскими корнями. Копты – монофиситы, так же, как и армяне, они *не разделяют духовное и физическое начала – характерная черта цельности мировосприятия*, свойственная базовой в жизнеобеспечении Мира архаике. Верхний Египет пересекает линия коптских святынь, ориентированных на выход к Красному морю от Коптоса, на восток, по Крокодильей протоке.

Копты удержали в своей письменности несколько важнейших для критской символики знаков, сохранившихся в египетской иероглифике. Самые важные два: АНХ и пиктограмма *очага* (*dt*, см. ниже). Не случайно копты отождествили Иисуса с Гераклом, патронимом главного города Крита. Герой посмертно получил функцию Судьи Преисподней (// Осирис). В этой функции он сокрушает свою палицей зло властолюбия – «змеи сокрытой сей». Так Гильгамеш, принимая царя Шульги в Загробный Мир, отнимает у царя *все знаки его власти*.

Коптская композиция Щита и ограды (псалом 90) в часовнях Бауита VI–IX вв. изображает в центральной части Богородицу, над нею Сына на Троне, но воины-архангелы, фланкирующие эти две фигуры Щита, отодвинуты чередой местных святых, матерей и отцов (амма/авва), включенных по обе стороны Богородицы (Каковкин 2000: 69–92). Получилось разомкнутое кольцо, где Врата Смерти – это охраняемый архангелами вход в тесный круг удостоенных спасения для жизни вечной в составе канона, опорного для Веры (// Чистая Земля буддизма). Двойной Щит «восьмерка» Кносса соответствует, с нашей точки зрения, двум главным фигурам дворцовой эпохи Крита – Матроне и Деве. В византийских фресках критского храма Пречистой Девы выведена фигура св. Анны, Матери Богородицы, в большом нижнем круге и над нею в малом круге – Дочери (// БМ – Мария). Акцент на фигуре св. Анны (Vorboudakis 1992: 33), престарелой матери Богородицы, в свою очередь супруги старца, подчеркивает мотив чистоты и чуда рождения Героя (еще радикальнее очищено явление Хора: из гениталий убитого Осириса, проглоченных Исидой; он изображается на лотосе – исход мифологемы *лотоса*, символа Лotosовой сутры буддизма).

Образ Великой Богини архаики острова всегда с обнаженной грудью, как в крупной скульптуре, так и в мелкой пластике (Андреев 2002: ил. 58, 59 и др.), всплывает в ипостаси Млекопитательницы в Византии и станет популярным в эпоху Возрождения (Леонардо да Винчи и Боттичелли). Мотив *милосердия* в образе коровы, лижущей сосунка, широко распространен по всей ойкумене древности. Так корова спускает молоко – это хорошо известно всем скотоводам. Прямой контраст акту милосердия представляет жертва искупления. Атрибут ее – чаша, кубок, кувшин в собственной руке божества или в руке предстоящего алтарю адоранта. Изыс-канные образцы таких сосудов найдены во всех центрах Крита. Наполнительной влагой

ритуального сосуда предполагалась кровь жертвы (Диониса Загрея), заменой которой осенью было молодое вино (Малые Дионисии), весной – старое виноградное вино (городские Большие Дионисии), в Малой Азии – медовуха (Сабазий // хетт. Телепину).

Сохранивший глубокую архаику буддизм Китая с легкой руки иезуитов признал Мадонну как бодхисатву-целительницу (аналог шумерской Гулы) в образе Девы Гуаньинь как «Владыки Знания», держащей вместо младенца сосуд с элексиром бессмертия. Потребность в Крестной Муче Сына Мадонны была отвергнута как неприемлемая, потому что базовый для государства культ предков был воплощен в почитании императора (информация М. Л. Пчелиной). Память о кровавой жертве связалась с рождением двойни: первого из близнецов отдавали в монастырь во искупление зла. Тема искупительной жертвы, распространяющейся на первенца, как единственно способной погасить гнев богов соответствует циклу Диониса Загрея (Андреев 2002: указатель на с. 836). Культ телят-близнецов отражен в хуррито-хеттской традиции, где один из них – утро, другой – вечер; у первого, приходящего, золотые рога (// ритон из Кносса [Коfoу 1992: ил. 83]), у второго, уходящего, золотой хвост. В аморейской передаче: дитя Восхода / šhr (Жизни) и Заката / šlm (Смерти как Покоя). Это чередование Дня и Ночи, которые *равны* в срок весеннего и осеннего равноденствий. На двух памятниках из Сирии показаны оба цикла: на египтизирующей стеле с изображением пары близнецов-мальчиков, сосущих грудь богини Асирату (Шифман 1987: табл. 1 – аморейская Ишхара, богиня Зари, соединяющая утро и вечер), акцентирован осенний цикл; на шкатулке слоновой кости с изображением босоногой микенской богини с обнаженной грудью, которая кормит *травой* двойню козлов на вершине горы (Андреев 2002: ил. 172), акцентирован весенний. Двойной топор Крита, Лабрис, как двуглавый орел хеттов, смотрит в обе стороны. Я думаю, что в лабрисе воплощен символ весеннего и осеннего равноденствий – срока навигации на Средиземном море. Это промежуток времени, когда Крит может осуществить главное свое назначение – власть на море: для пиратов – выход в море и возврат домой с добычей, как на фризе из Акротири, с острова Фера (совр. Санторин), ближайшего к Криту в цепочке Киклад, связующих островной регион с Малой Азией.

Обозначение критских «старых дворцов» соответствует традиции хеттов (аккад. *ekallu labīru*), где так называлось первоначальное убежище династии, особо чтимое при совершении обряда ежегодного *обновления огня очага* (Дьяконов, Янковская

2000: 91–98). С тем же ритуалом связан и ключевой архитектурный мотив Крита – «рога посвящения». Они показаны в книге Ю. В. Андреева по находке в пещере Патсо и около южного портика дворца Кносса, где изображен наследный принц (// «глава лестницы» хеттов). «Рога посвящения» отмечены в обычном для минойской иконографии сочетании с лабрисом и в прямом соединении лабриса с *букранием*. Раскрытие этой детали оформления жилища, будь то пещера или дворец, дает горская этнография Кавказа. Бычьи рога известны там для домашних очагов – источника тепла и пропитания семьи, тесно связанного с культом Быка, пахаря-кормильца (Кушнарева 1977). «Рога посвящения» совмещены с архитектурой на культовом ритоне, найденном на восточном берегу Крита в Като Закро. Все девять пунктов горных святилищ с символикой этого рода – это округа трех главных дворцов Крита. Такие горные святилища известны в Осетии – это рекомы кланов, самым значительным из которых был Реком Цея, посвященный Всаднику, рыцарю дорог – Уастырджи (// св. Георгию). Реком Цея стоял близ ледника на кратчайшем пути по самой опасной тропе к Мамисонскому перевалу (архив Е. Г. Пчелиной).

Клятву жизнью своего народа, предков и потомков, девятилетний Ханни-Ба'ал принес, взявшись обеими руками за алтарные Рога (Кораблев 1976). Бык – воплощение жизненной мощи производителя, крупного травоядного. Прямая противоположность символике терзания и смерти, обозначенной фигурами хищников, изображаемых в единоборстве с героем (Андреев 2002: рис. 89). Монстр в образе львицы с наброшенной на спину крокодильей шкурой – фигура, связанная с осенним разливом Нила (Каковкин 2002: 66–72). Контаминация продиктована тем, что плодовитость крокодилицы, которая в одной кладке приносит до 55 яиц, – это желанная компенсация редкому потомству львицы. В сцене Суда Осириса из Книги, защищающей Усопших, монстр лежит, дожидаясь, у весов (мифологема справедливости), но умерший спасен, так как сердце его не тяжелее пера богини Истины. На Крите в прорисовке лентоида из Вафио два таких монстра стоят по обе стороны алтаря в форме «рогов посвящения»; на алтаре три ветви, растущие из него, у каждого из монстров в поднятой лапе *кувшин*. Вторая композиция замечательна по замене помещенного на алтаре: вместо трех ветвей на нем стоит Герой, справа – львица в крокодильей шкуре, слева – *контаминация хищника и жертвы* (гемма из Кидонии).

В календаре Каниша осеннее равноденствие (tešritum вавилонского календаря) открывает месяц Госпожи Дворца, за которым следуют два месяца возлияний: первый, судя по хурритской параллели (Янковская 1978: 105–112), посвящен богу Грозы (власть Природы) и прощения должникам (*sarratum*), второй посвящен богу Преисподней – месту обитания праведников (*kinnatum*). Конфигурация критских «рогов посвящения», воспроизведенных на кубках Крита, полностью совпадает с пиктограммой египетского письма, заключенной в формуле, которую условно переводят тремя словами по числу знаков: «жив-цел-здоров». Формула организована, с нашей точки зрения, по принципу, универсальному для разноязычных клинописных систем. В такого рода записи первый знак, АНХ (жизнь), и последний знак, Крюк (власть), являются детерминативами двух начал: женского (АНХ) и мужского (крюк посоха). В руках Осириса как судьи Преисподней показаны как пастушеский посох для уловления, так и треххвостая плеть со свинцовыми шариками на концах для того, чтобы гнать прочь. Так, вечерний возврат стада домой возглавляет юная хозяйка (всех накормит и напоит), а замыкает пастух с загнутым посохом для уловления сбивающихся с пути. В интересующей нас формуле важен и неясен только один средний знак. Он имеет двусложное чтение *dt* (ср.: Большаков 1996: 120–122). Предположительно речь идет о *спальном покое планет*, предвечных богов, повсеместно связанном с понятием об очаге. Средний знак египетской формулы имеет между рогов язычок пламени – подробность, свойственная пунктуальной изобразительности иероглифики Египта. Византийская символика, коренящаяся в древности, подтверждает реальность такого толкования как популярного прообраза костра «неопалимой купины» (язычки пламени) (Cotsonis 1994: 221–227).

Амарнская эпоха заслуживает пристального внимания как время праздника, еще не омраченного жадной властью над всем Миром любой ценой. Такое искушение, предложенное Христу в обмен на признание Сатаны, было отвергнуто им, как сказано в двух Евангелиях: от Матфея и от Луки (оба в гл. 4). Этого эпизода нет ни у Марка, ни у Иоанна – апостолов Александрии и Эфеса, ритуальных центров мощнейших держав. Этому различию в ключевом пункте проповедей апостолов соответствует приращение двум первым апостолам фигур Ангела (Матфей) и Тельца (Лука), а двум вторым – хищников: Льва (Марк) и Орла (Иоанн). Осмысленное использование религиозной символики в поздние периоды отнюдь не теряет глубинной психологической ориентации, заложенной в исходном для ойкумены архаическом самосознании общества. Раскрытие глубинных слоев социальной психологии, универсальных, несмотря на внешнее несходство,

культуры было задачей И. М. Дьяконова при написании им книги, посвященной архаическим мифам. В меру наших сил мы постарались привести доступный нам материал, иллюстрирующий универсальную семантику архаических мифов.

Крит, как выясняется, был эпицентром формирования мифологем амарнской эпохи – пролога эллинизма, первой из многократно срывавшихся попыток снять блокировку нормального общественного развития ради свободного общения внутри планетарной ойкумены. Мы говорим «эпицентр», так как отдаем себе отчет, что истинный центр такого процесса, по-видимому, не имеет географических координат. Его следует искать в стране человеческой психики и в истории духа.

Литература

Андреев, Ю. В. 2002. *От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.)*. СПб.: Дмитрий Булавин.

Афанасьева, В. К. 1997. *«От начала начал»: Антология шумерской поэзии*. СПб.: Петерб. востоковедение.

Белова, А. Г. 2002. К вопросу о структуре семитского корня. *История и языка древнего Востока*: сб. памяти И. М. Дьяконова (с. 29–36). СПб.

Бикерман, Э. 1985. *Государство Селевкидов*. М.: Наука.

Большаков, А. О.

1996. Новое свидетельство об употреблении категории dt при описании родства в Египте Старого царства. *Вестник древней истории* 2: 120–122.

2001. *Человек и его двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства*. СПб.: Алетейя.

Вайман, А. А. 1966. К расшифровке протошумерской письменности. *Переднеазиатский сборник*. Вып. 2. *Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока* (с. 3–15). М.: Наука.

Грибов, Р. А. 2002. Царский «дом женщин» в Мари. *История и языка древнего Востока*: сб. памяти И. М. Дьяконова (с. 44–52). СПб.

Дьяконов, И. М.

1956. Muškênum и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби. *Eos*. Vol. 48. Fasc. 1. *Symbolae Raphaeli Taubenschlag dedicatae* (s. 37–62). Vratislaviae; Varsaviae.

1961. *Эпос о Гильгамеше («О все издавшем»)*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

1994. *Пути истории. От древнейшего человека до наших дней*. М.: Вост. лит-ра.

Дьяконов, И. М., Янковская, Н. Б. 2000. Поминальная Чаша. *Syssitia*: сб. памяти Ю. В. Андреева (с. 91–98). СПб.: Алетейя.

Казаманова, Л. Н. 1979. Некоторые вопросы социально-экономической истории критских полисов VI–IV вв. до н. э. *Вестник древней истории* 3: 76–90.

Каковкин, А. Я.

2000. Об одной группе росписей VI–IX вв. в часовнях Бауита. *Coptica Hermitagiana*: сб. материалов к 100-летию коптской коллекции Эрмитажа (с. 69–92). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа.

2002. Коптская Сивилла. *Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга*: сб. (с. 66–72). СПб.

Козырева, Н. В. 1997. *Южная Месопотамия в начале 2 тыс. до н. э.*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Ин-т востоковедения.

Кораблев, И. Ш. 1976. *Ганнибал*. М.: Наука.

Кушнарева, К. Х. 1977. *Древнейшие памятники Двина*. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР.

Матье, М. Э. 1961. *Искусство древнего Египта*. Л.; М.: Искусство.

Песнь Песней. Книга Экклесиаст / пер. И. М. Дьяконова. В: Брагинский, И. С. (общ. ред.), *Поэзия и проза древнего Востока*: сб. М.: Худ. лит-ра, 1973.

Пчелин, Н. Г. 2000. Образ Жабы в легендах Китая. *Отделу Востока 80 лет*: сб. (с. 70–72). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа.

Саркисян, Г. Х. 1978. Довольствие isqu в городах поздней Вавилонии – аналог полисных раздач. *Древний Восток*: сб. статей Института востоковедения АН АрмССР. Вып. 3 (с. 88–92). Ереван.

Степанова, Е. В. 2002. *Некоторые вопросы истории Италии и Сицилии VI–XI вв. по данным византийской сфрагистики*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.

Столяр, А. Д. 1985. *Происхождение изобразительного искусства*. М.: Искусство.

Шифман, И. Ш. 1987. *Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв. до н. э.)*. М.: Наука.

Чипирова, Л. А. 1988. Земельные отношения в семейной общине по обелиску Маништушу. *Вестник древней истории* 2: 3–34.

Янковская, Н. Б.

1959. Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках. *Вестник древней истории* 1: 35–51.

1968. *Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.)*. М.: Наука.

1978. Календарь хурритской Аррапхи. *Вестник древней истории* 1: 105–112.

1986. «Портик» дворцовых аудиенций. *Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина*: сб. (с. 10–16). СПб.

1994. Черная Богиня хурритов. *Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского*: сб. (с. 27–34). СПб.

2002. Казначейство города Ашшура – пролог империи («возвращение к матери» – ата-г-gi). *История и язык древнего Востока*: сб. памяти И. М. Дьяконова (с. 353–363). СПб.

2003. Наследный принц – глава (театральной) лестницы = gabī simmiltim. *Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского*: сб. (с. 74–80). СПб.

Янковская, Н. Б., Янковский, А. И. 1995. «Скрытое единство». Сопоставление гирек для балансных платежей в собрании Государственного Эрмитажа (Египет и Месопотамия). *Вестник древней истории* 2: 127–133.

Bonnet, H. 1952. *Reallexicon der Ägyptischen Religionsgeschichte*. Berlin.

Borboudakis, M. 1992. *Panagia Kéra*. Athenes.

Cotsonis, J. 1994. The Virgin with the «Tongues of Fire» on Byzantine Lead Seals. *Dumbarton Oaks Papers* 48: 221–227.

Güterbock, H. G.

1951. The Song of Ullikummi. *Journal of Cuneiform Studies* V (4): 135–161.

1952. The Song of Ullikummi. *Journal of Cuneiform Studies* VI (1): 8–42.

Kofou, A. 1992. *Crete. All the Museums and Archaeological Sites*. Athens.

Koschaker, P. 1928. *Neue Keilschriftliche Rechtsurkunden aus der el-Amarna Zeit*. Leipzig.

Longworth, Ph. 1974. *The Rise and Fall of Venice*. London: Constable & Company Ltd.

Maidman, M. P. 1976. *A Socio-Economic Analysis of a Nuzi Family Archive*. Part 1, 2. Ann Arbor, MI; London.

Mellink, M. 1987. Anatolian Libation Pourers and Minoan Genius. In Farkas, A. E. et al. (ed.), *Monsters and Genius in the Ancient and Medieval Worlds* (pp. 65–72). Mainz on Rhine.

Papastamos, A. 2002. *Acropolis*. Athens.

Parpola, S. 1997. *Assyrian Prophecies (State Archives of Assyria vol. IX)*. Helsinki: Helsinki University Press.

Starr, R. F. S.

1937. *Nuzi: Report on the Excavations at Yorghana Tepa Near Kirkuk, Iraq, 1927–1931*. Vol. 1. Cambridge, MA: Harvard University Press.

1939. *Nuzi: Report on the Excavations at Yorghana Tepa Near Kirkuk, Iraq, 1927–1931*. Vol. 2. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Tsukimoto Akio 1980. *Untersuchungen zur Totenpflege (kispum) in Alten Mesopotamien*. Matsuida; Tübingen.